После ухода Чжао Ланьсян Хэ Сунбай многозначительно спросил:

— Ты знаешь, кто это?

Гу Хуайцзинь не стал скрывать это от Хэ Сунбая и нерешительно кивнул:

— Я не знаю, кто это может быть, кроме моих учеников. Ты… Можешь поставить велосипед в другом месте? Я не знаю…

Он вздохнул, испытывая чувство самоуничижения и вину.

Хэ Сунбай каждый день приносил кучу свинины, и от его тела все еще слабо пахло свиной кровью, поэтому Гу Хуайцзинь интуитивно догадался, чем занимается этот молодой человек.

Хэ Сунбай лаконично ответил:

— Нет.

С тех пор, как его в последний раз выследили, Хэ Сунбай становился все более и более осторожным. Если бы кто-то следил за ним ночью, он бы не смог этого не заметить.

Гу Хуайцзинь прополоскал рот и выплюнул смешанную с водой кровь. Его глаза опухли, над бровями были ссадины, а при разговоре он немного задыхался. Но перед молодым человеком, Хэ Сунбаем, он хотел сохранить достоинство.

Он вытер лицо и спокойно сказал:

— Я собираюсь спать.

Гу Хуайцзинь беззаботно улегся на стог сена, и так как он никого не мог прогнать, то не стал и пытаться.

Хэ Сунбай вернулся в свою комнату за лекарственным маслом, которое купила для него Чжао Ланьсян, положил его под бок учителю Гу и ушел, не сказав ни слова.

После его ухода мужчина, лежавший на соломе и притворявшийся спящим, взял в руки маленькую бутылочку с лекарством, долго смотрел на нее, а потом заплакал.

***

На следующий день Чжао Ланьсян приготовила обед на еще одну порцию больше, а когда закончила, Хэ Сунбай пришел и отнес порцию учителю Гу в коровник.

Старик был очень упрям, у него началась лихорадка, но он не хотел идти к врачу. После работы он ложился на стог сена, ожидая ежедневной порции сытной еды.

Как только Хэ Сунбай понес еду, Чжао Ланьсян последовала за ним.

Она протянула теплое молоко учителю Гу.

Все это время стояла тишина, никто не произносил ни слова.

Ночью прошел сильный дождь, и земля стала влажной и издавала сильный запах петрикора, поэтому Гу Хуайцзинь принес еще соломы, чтобы разложить ее вокруг себя для тепла.

Он переложил еду в свою разбитую миску и с благодарностью выпил стакан молока, который дала ему девочка. Мужчина почувствовал, что его сердце, которое было заморожено, будто оттаяло.

Пока ел, он, как обычно, достал блокнотик и стал перелистывать страницу за страницей, бормоча что-то.

Хэ Сунбай и Чжао Ланьсян уже вернулись в дом.

Такая доставка еды без общения продолжалась несколько дней, пока Хэ Сунбай не занялся осенним посевом и не вернулся к рытью канав в горах.

Чжао Ланьсян была слабым работником, поэтому в полдень она вернулась готовить, а когда закончила, отдала часть еды Гу Хуайцзиню.

Погода в этот день была неожиданно ясной и теплой, после нескольких сильных дождей подряд вспаханная земля стала влажной и черной, очень благоприятной для посева, благодаря удобрениям из компостированного навоза.

Как обычно, Гу Хуайцзинь достал блокнот и стал бормотать себе под нос:

— Технический маршрут, анализ и определение слоев породы, уклона и толщины почвы, определение инженерных свойств почвы, устойчивость конструкции полевого вала… Слои породы и почва слабые, не подходят для террасирования, критический уклон более пятнадцати градусов, в сезон сильных дождей легко может вызвать эрозию почвы.

Пока Гу Хуайцзинь бормотал про себя, Чжао Ланьсян молча аккуратно насыпала рис в свою керамическую миску.

— Гора Нюцзяо… характер почвы, толщина слоя породы… классифицируется как непригодная для рекультивации; гора Хэшань — почва плодородная, толщина слоя породы больше нормы, подходит для рекультивации; гора Лужун…

Гу Хуайцзинь читал свои записи низким голосом, как будто декламировал, но неожиданно вкусная еда, которую он с таким нетерпением ждал, мгновенно рассыпалась по земле.

Чжао Ланьсян резко вскинулась и быстро спросила:

— Что вы только что прочли?

Учитель Гу вскочил со стога сена, его руки были заняты спасением обеда. Он сердито отругал ее:

— Ты, девчонка!.. Почему такая небрежная, действительно тратишь зря хорошую еду! Белый рис… позволь тебе сказать, что ты…

Не успел он закончить фразу, как увидел сузившиеся будто от страха зрачки Чжао Ланьсян.

В жаркий осенний день Чжао Ланьсян словно провалилась в ледяную пещеру, дрожа от холода.

Она не обращала внимания, что учитель Гу, ворча, собирает с земли чистые рисовые зерна, тщательно выбирает песчинки и ест их. Чжао Ланьсян вцепилась в его рукав, изо всех сил стараясь успокоиться.

— Сегодня! На горе Нюцзяо… Сегодня день, когда они собираются разрушить скалы, чтобы отвести воду. Они планируют использовать взрывчатку, чтобы отвести озерную воду с горы в канаву…

Палочки для еды, которыми учитель Гу держал мясо, внезапно разжались — и кусок тушеной свиной грудинки упал на землю, испачкавшись в пыли.

— Что-что?

***

За завтраком Ли Дали пилила родная мать, поторапливая идти в дом Ли Хундэ.

— В будущем она станет твоей женой, чаще бывай у нее, усердно работай на секретаря Ли. Говори ей слова любви, чтобы развить чувства.

Ли Дали был беспомощен, но после еды все же отправился сначала в дом Ли Хундэ.

Работая с ним как с секретарем партии в течение нескольких лет, Ли Дали внезапно стал его зятем.

Он стоял у дверей дома, ожидая, пока Ли-эр выйдет. Он собирался помочь ей нести ее сельскохозяйственные инструменты и помогать с работой.

Новые невестки всегда так себя ведут, ожидая, что их будут любить.

Но, пока он ждал, солнце уже поднялось высоко, а Ли-эр все не выходила.

Ли Хундэ издалека увидел человека, стоявшего под деревом, и, приглядевшись, узнал своего зятя. Он подошел к нему, улыбнулся, похлопал Ли Дали по плечу и со знанием дела сказал:

— Иди на работу, тебя все ждут, вторая сестра сегодня не будет работать.

Ли-эр проснулась рано и взяла кусок блина, чтобы поесть в дороге. Прежде чем она успела это сделать, невестка покосилась на нее и заметила:

— Что делают люди, которые не ходят на работу? Они просто едят целый день. Сегодня твоя очередь остаться дома, чтобы присмотреть за дедушкой и маленькой А-Хуа.

Ли-эр знала, что Ли Дали тайно ждал ее снаружи под финиковым деревом, и ничего не сказала.

Когда семья Ли отправилась на работу, Ли-эр неохотно посадила свою двухлетнюю племянницу на спину.

Однако Ли Дали не стал дожидаться ее, он уже отправился раздавать сельскохозяйственные инструменты и работать на горе.

Ли-эр подошла к одинокому дереву с ребенком на спине и в гневе ущипнула А-Хуа за задницу:

— Чего ты ревешь? Я отнесу тебя к твоим родителям.

Малышка пустила слюни прямо на лицо Ли-эр.

Когда девушка пришла на стройку и встретилась с братом и невесткой, невестка Ли-эр тут же навострила уши:

— Я же говорила тебе оставаться дома и приглядывать за дедушкой, зачем ты пришла в горы?

Ли-эр передала ребенка жене брата и сказала:

— У меня кошелек не толще, чем у тебя, рабочие баллы не помешают. Дедушка сказал, чтобы я вернулась в полдень и позаботилась о нем.

Она вскинула мотыгу и принялась обрабатывать рисовое поле.

На самом деле она копала уже несколько месяцев и, в общем-то, закончила все, что могла, поэтому даже не стала делать легкую работу — притворяться, что заканчивает, не выбрасывая рабочие баллы понапрасну.

Когда невестка Ли услышала это, ее лицо посинело.

Дедушка был очень болен, и она изо всех сил старалась прислуживать старику дома в те дни, когда была ее очередь.

— Сегодня «пильщики» наполнят канаву, и баллов будет больше не заработать. Я здесь ради дополнительного пайка в конце года, иначе я бы сидела дома, — сердито сказала Ли-эр и отвернулась. В конце года ее собирались выдать замуж в семью Ли Дали, так что даже если она заработает больше баллов, их все равно получит семья мужа.

Термин «пильщик» Ли-эр услышала от рабочих, не зная, что имелось в виду «завершение работы»*. Но она инстинктивно понимала значение этого слова.

П.п.: омофоны □□ jùgōng пильщик /□□ jùngōng закончить работу, завершить дело; завершение работы

Она смотрела на журчащий горный ручей, сбегавший по склону горы, и хотела подняться выше, чтобы посмотреть, как будут взрывать динамит.

Магия взрывчатки.

***

Хэ Сунбай с напарником распахивал поле, а волы, вскормленные старшей сестрой Хэ, были запряжены в плуг и медленно тащили его.

Он вел волов, с любовью позволяя им время от времени останавливаться для отдыха.

Солнце поднималось все выше, и от его жара кожа людей становилась красной, а темная — еще более темной.

Вдруг он услышал знакомый голос человека, который не должен появляться здесь:

— Хэ-эр! Хэ-эр!..

Он остановился, передал вола своему спутнику и, нахмурившись, сказал:

— Я сначала схожу облегчусь, а ты присмотри за всем.

Он сделал два шага и побежал вниз по склону так быстро, как только мог.

Гу Хуайцзинь, у которого все еще был слабый жар, спотыкаясь, взбирался по дороге на гору. Когда он увидел Хэ Сунбая, ему показалось, что он увидел своего спасителя.

— О боже! Вот ты где! Я должен сказать тебе что-то важное...

Хэ Сунбай оттащил мужчину в кусты на обочине, схватил его за воротник и понизил голос:

— Ты все еще хочешь жить в мире? Почему ты бегаешь среди бела дня без разрешения?

П.п.: напоминаю, у старика Гу запрет на передвижение

Шея учителя Гу от волнения и температуры густо покраснела. Он ведь уже пожилой человек, но даже в молодости едва ли был в такой хорошей форме, как этот парень. Теперь же у него лихорадка, он голоден и сильно нервничает — он взволнован до смерти!

— Ты, ты отпусти, отпусти меня, — задыхаясь, потребовал он, глядя на Хэ Сунбая широко раскрытыми глазами, — я должен сказать что-то очень важное...

Услышав это, Хэ Сунбай выпустил его из рук.

— Они собрались взорвать Нюцзяо... Они не должны! Они не могут ее взорвать, не могут взорвать!

Хэ Сунбай похлопал старшего Гу по груди:

— Отдышись и скажи это еще раз.

Гу Хуайцзинь уставился в пустоту, смочил пересохшее горло водой, которую передал ему Хэ Сунбай, и только тогда в его горле появился намек на освобождение.

Он глубоко вдохнул и сказал:

— Слой породы слишком тонкий, я предполагал, что в нем могут быть каверны, и решил сначала удалить его, когда буду мелиорировать террасы. Почва здесь песчаная и недостаточно плодородная, понимаешь?

Но Хэ Сунбай пока не понимал.

— Если ее взорвут сегодня, то либо поля будут смыты, либо эта гора будет разрушена… Я не могу просто так разгуливать здесь, я не думал, что эти дети посмеют отменить мое решение!

Отставшая Чжао Ланьсян наконец догнала учителя Гу. Утерев покрасневшее от усилий лицо, она громко сказала:

— Учитель Гу, поспеши, вон та инженерная группа в полдень должна взорвать породу у озера, время почти упущено!

Однако ноги старика уже подкашивались, как будто стали ватными, а сил совсем не осталось.

— Вы, вы двое, идите и остановите их, а я медленно пойду за вами…

Хэ Сунбай быстро принял решение и присел на корточки, взвалив старшего Гу на спину.

http://tl.rulate.ru/book/46619/3229870